

ТЕАТРЪ И ЖИЗНЬ

Theater und Leben.

Декабрь 1921
December 1921

Цена 10
Preis 10

№ 5 и 6

„Гамлетъ“ — В. И. Качалов

Коп. 1-4
1-609

За эмигрантским эшеломъ.

Московскому Художественному Театру.

Этюсъ Сергѣя Горнаго.

...И все-таки это прежде всего и раньше всего — театр Чехова. Пускай уходят куда-то вдаль за «Росмергальмомъ», взмываютъ за «Дикою Уткой», мечутся «У жизни въ лапахъ» или стучатся «У вратъ царства» вмѣстѣ съ Карено. Даже и здѣсь они все тѣ-же чеховскія души загрезившія — ушедшія къ видѣніямъ.

Въ чемъ ихъ побѣда? Въ чемъ покоряющая тайна, которую не устанешь разгадывать? Въ мистическомъ раствореніи, въ слѣженіи со стихіей русской интеллигентской души. Ихъ нельзя у насъ вычеркнуть, отъ насъ отнять. Это не искусство наше, не лицедейство — это наша жизнь, отображенная за ромпой и претворенная въ икону, въ образъ, въ складень. Какъ на миниатюрѣ, средневѣковій монахъ упорной, неторопливою кисточкой выводилъ штрихъ за штрихомъ чей-то ликъ, становившійся вдругъ святою, родимою ладанкой, — такъ и здѣсь штрихъ за штрихомъ слагалась въ миниатюрѣ наша-же жизнь, нашъ собственный ликъ, очищенный горѣніемъ искусства, преображенный въ таинствѣ творчества и потому ставшій соборнымъ и символическимъ.

Этотъ театръ — волшебное зеркало, въ которомъ видимъ недавнее прошлое въ жуткой обнаженности. Видимъ какъ наливались и зрѣли подъ неторопливой и мирной личиной — грядущіе, мятежные нынѣ разразившіеся дни. Если просто смотрѣть въ свою душу, остывшую и потерявшуюся на яростныхъ сквознякахъ современности, то не понять — ея смятений, ея зябкой растерянности, ея испуга предъ нежданномъ, грознымъ, стихійнымъ. Но въ преображеніи «художниковъ» не играющихъ нашу жизнь, а живущихъ ею (ибо они — это мы, ставшіе жрецами), — мы понимаемъ эту стихію, эту грозу, рорѣзавшую нашу жизнь синимъ молніинымъ полымемъ. Да, подъ чеховскимъ сѣрымъ, медлительнымъ покровомъ зрѣли нынѣшніе дни. Это ясно видно, до жути, до мистической обнаженности.

И, быть можетъ, сами того не вѣдая, стройнымъ хораломъ своимъ, омываютъ они насъ, показываютъ жуткую, страшную правду. Такъ, вѣдь, и въ церкви хоръ, когда поетъ обнявшимися голосами, пѣвучими и молитвенными, не знаетъ, стоя тамъ на клиросѣ, какія души, приникшія къ холоднымъ плитамъ, воскресаетъ онъ, обнимаетъ онъ.

Мы видимъ правду.

Мы видимъ жуткую темь, косность, апатію духа въ лицахъ. Слышимъ хрипловатый голосъ Ферапонта, съ безразличіемъ и тупостью повторяющаго: «А въ Москвѣ, говорятъ, канатъ чрезъ всю Москву протянуть. Да».

— «Что-жъ? все равно».

Да. Все равно. Протянуть такъ протянуть.

На секунду глянуло странное, жуткое равнодушіе, которое такъ хорошо знакомо намъ. Славянская пассивность. Смирность. Сутулость. Исполбоза нахмуренный взглядъ, безразличный, «мужичій». Жизнь надъ мхами и кочерягами, надъ болотами. — Чудъ и Мері.

Вотъ теперь кто-то сказалъ ему, Ферапонтѣ, Сысойкѣ, Каратаеву — что чрезъ весь міръ канатъ протянуть. И повѣрилъ. Какъ не повѣрить?

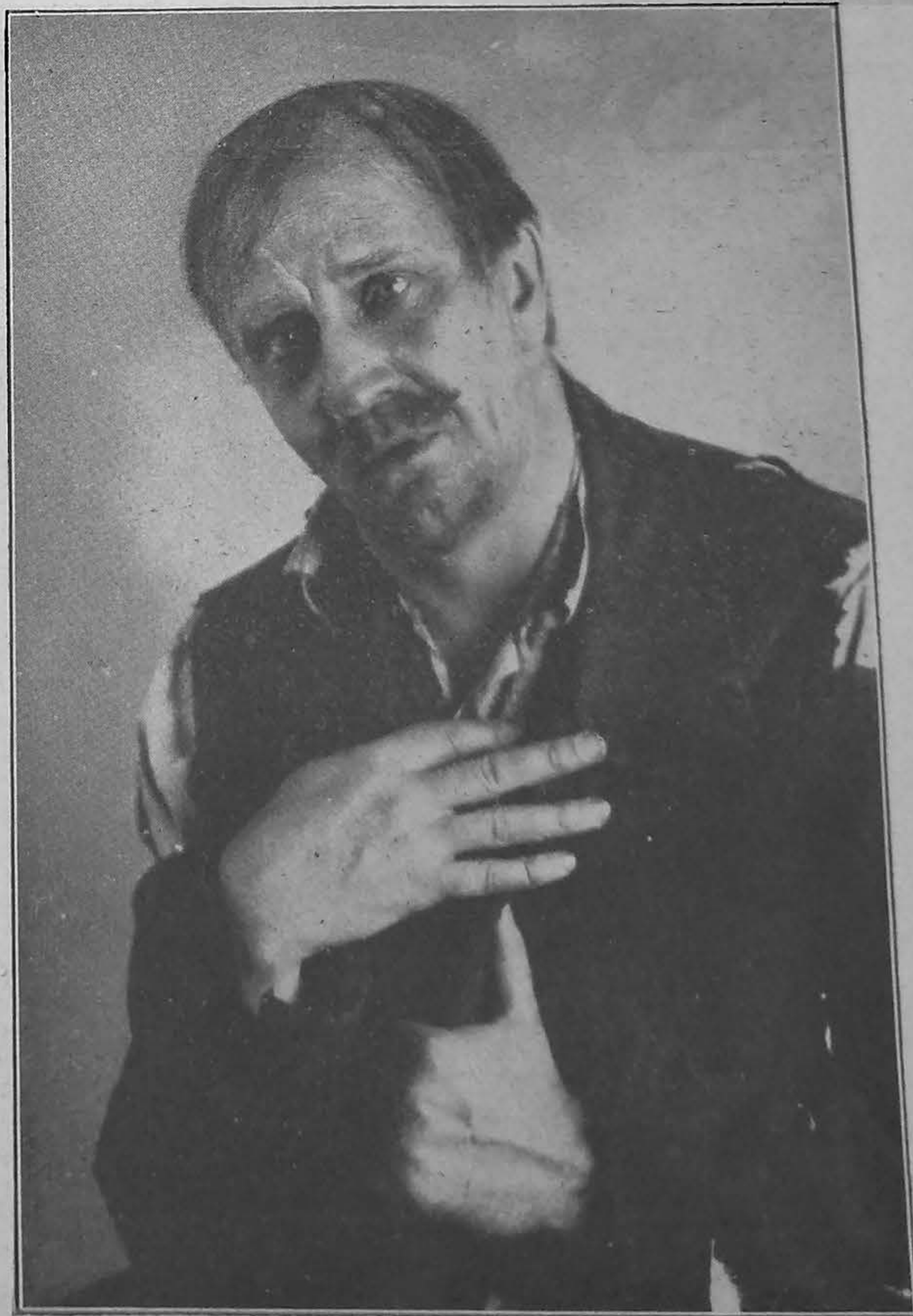
— Канатъ такъ канатъ.

Можетъ, онъ тамъ такой-же хмурый, безразличный, непробудившійся, закутанный въ овчины и тулупы — какъ Ферапонтъ. Тому все равно:

— Въ Москвѣ — такъ въ Москвѣ. Канатъ такъ канатъ. Да. Такихъ можно въ чемъ угодно уговорить. И въ Коминтернъ и въ «канатъ чрезъ всю Москву» — во все повѣрятъ. Ибо все — все равно. Откуда эта «суета суетъ»? Отъ широкихъ степенъ и просторовъ? Отъ хмураго чернотѣся Чуди и Мери? Отъ неопрокинутого еще въ Днѣпръ «Дажь-Бога»?

Не нужно читать трактатовъ, Костомарова, Гершензона и Струве, перелистывать модные сборники и искать тамъ отвѣтовъ на тревожные вопросы. Надо смотрѣть въ волшебное зеркало нашей жизни. Надо видѣть Москвичей.

Наша жизнь была неторопливой и грустною. Она была красивой и элегичной. Но въ ней зрѣли всѣ яды будущаго, слагались всѣ гримасы сегоднѣшняго. И въ чеховскомъ Прозоровѣ («Три сестры»), этомъ утопающемъ въ линкахъ и мелкихъ будняхъ, «земцѣ», взывающемъ: «ахъ говорить мнѣ хочется, говорить...», развѣ не прообразъ всѣхъ тѣхъ, кто недавно вышелъ на арену нашей жизни? Безвольныхъ, бездѣйствительныхъ, долго копившихъ по захолустьямъ тоску и жажду работы. Пока эта тоска не стала дряблой, безмускульной, вялой. Они вышли, эти анемичные Прозоровы изъ захолустьевъ они заговорили, они заговорили, они пытались строить...

В. И. Качаловъ — Баронъ „На днѣ“.

Мягкимъ свѣтомъ думается «офицерскій» Вершининскій обликъ Качалова. Какъ понятно. Да, среди будней и казармъ, бригадахъ сплетень и уѣздной тины, на загнивавшихъ корняхъ прошлаго — росли порою тѣ-же тоскующія души, какъ зеленые побѣги. Также искали, также рвались... «въ академію». Типичные интеллигентскія души. И глядя на это офицерство, такъ вдругъ остро, до боли понимаешь — еще одну правду, повѣданную художниками, волшебнымъ — еще одну правду, повѣданную художниками, волшебнымъ зеркаломъ нашей жизни. Наше офицерство — вотъ эти бригадные артиллеристы, Тузенбахи и Вершинины, мечгаище, глядя на улыбающуюся Книпперъ о томъ, что жизнь (освященная любовью), «будетъ чрезъ 200... ну, 300 лѣтъ прекрасной» мы понимаемъ, что и изломанный печоринскій Соленый и обаятельный, родной («въ башлыкѣ, съ кобурою») Качаловъ — плоть отъ плоти интеллигентской. Та-же тоска у нихъ по радости, по правдѣ. «Мы для кого-нибудь живемъ».

Словно «книгу живота» листаешь, голубинную книгу. И что ни страница, все о насъ, все про насъ-же. Свою жизнь видишь. Это не пьесы и не театр. Это чудодѣйственное преображеніе, мистерія нашей жизни, повторенная избранными изъ насъ. И не даромъ у нихъ такой жреческій статутъ, такой орденскій строй — у этого замкнутого круга московскихъ художниковъ. Иначе нельзя. На нихъ большой обѣтъ, тяжелый искусь. Это не только радость творчества, это подвижничество: преображать наше недавнее, предгрозовое, муками отмѣченное время. Мы-то ушли уже сами дальше, наша душа уже узнала новое и стучится въ иные двери. Что-то ищешь, а жрецы должны служить ту-же мистерію. По тому-же ритуалу. Мистерію чудодѣйственнаго объясненія нашего вихреваго сегодня «нашимъ тихимъ чеховскимъ вчера».

Они наши думы о прошломъ, наша влюбленность въ недавнюю, неторопливую ритмику, — они наша обнажающая,

зеркальная Правда. И даже, когда Каренинъ ищетъ и не едетъ. Это — бунтъ русскаго духа. И даже когда Тильтль и Митиль уходятъ за «Синею Птицей». Развѣ всѣ мы не пошли за ней?

Они — это мы сами. И если суетливая газетная хроника, выпячивая и торопясь, рассказываетъ о томъ, что «они» бросаютъ эмиграцію, что «они» выдаютъ кому-то индульгенцію и уѣзжаютъ «туда», за кордонъ — то хочется отмахнуться отъ газетныхъ строкъ, какъ отъ докучной лжи. Быть можетъ и уѣдутъ единицы. Но душа, «коллективъ» — наше волшебное зеркало — останется съ нами. Какъ складень. Одна створка на Руси, другая у насъ. И, повѣрьте, мы сами молимся о слияніи створокъ, о смыканіи расторгеннаго, о «возвращеніи». Но о возвращеніи оправданномъ въ душѣ. Не согнувшись и озираючи, а съ протянутой свободною рукой къ той, освобожденной «половинкѣ». — Жрецы не покидаютъ паствы.

Священникъ, въ непогоду, въ осеннюю распутицу на тяжеломъ переходѣ ѣдетъ на двуколкѣ за эшелонъ. Не покидаетъ его.

А мы эмиграція — этотъ разрозненный, растянущійся эшелонъ шагаемъ по чужбинѣ въ осеннюю распутицу, виновные только въ томъ, что любили Родину.

Насъ не покидаютъ.

Насъ нельзя покинуть.

Пусть мы неоднородны, пусть эшелонъ растянулся, пусть среди насъ и дезертиры, и много приставшихъ нипути, даже недостойныхъ, но священникъ на двуколкѣ долженъ ѣхать въ обозѣ.

Дорога далека. Онъ еще намъ нуженъ.

А впереди все равно одна и та-же цѣль.

— Русь.

Сергій Горный.